

Что в душу запало

К годовщине смерти Александра Грина

8 июля 1932 года умер Александр Грин, писатель. Какой? Станный? Оригинальный? Неподражаемый? Точнее всего сказать: любимый. Кумир широкой читательской публики.

Дата не круглая? Дата лишь повод.

Сегодня кажется, что биография Грина сложилась удачно, а посмертное признание поднесли на блюде. Это не так. Рецензируя в 1956 году его худлитовское «Избранное», талантливый критик Марк Щеглов писал об «оскорбительном забвении», в котором долго находился Грин. Выход «Избранного» стал одной из примет послесталинской оттепели.

Это потом было: и кино, и вино. Да, вино «Алые паруса» (какой-то кубанский заводик). Хорошее? Не знаю, не пробовал. Рекламирывать не стану. В условиях конкуренции выживают с помощью литературы, что, согласитесь, уже приятно.

Хочу - тоже во славу литературы - опубликовать один документ. Передо мной оригинал письма, которое владелица не сегодня-завтра снесет в РГА-ЛИ. Послано было из Киева в Москву 25 июля 1932 года двадцатилетней Ольгой Штейнберг - близкие звали ее Люша - девятинадцатилетней Белле Казначей. Обе пылкие гриновки. Знали в этом качестве и сочувствие, и непонимание. Ну словно про них, во воспоминанию Катаева, году в 20-м (т.е. еще до появления «Алых парусов», «Крысолова», «Бегающей по волнам» - ключевых вещей Грина) Бунин сказал с иронией, а то и со скрытой завистью: «Эти дамы - поклонницы Грина - делают писателю славу; создают репутацию романтика, почти классика». Бунину казалось, что репутация Грина ложная. Тут он ошибся. А Люша с Беллой, что ж, слишком юными были, чтоб называться «дамы». Искренние, бескорыстные. В то же время именно такие люши и беллы - это интеллектуальная элита, законодательницы вкусов: читающих девочек, начиная с пушкинской милой Тани («Ей рано нравились романы, они ей заменяли все»), в России всегда было большинство. Белла заносила в тетрадку стихи Грина: эти ветхие желтые листочки, не сдунутые ветром времени, в РГАЛИ вроде бы отдавать ни к чему. Но как красноречивы строки, выведенные старательно-разборчивым девичьим почерком:

*Забвенье - печальный,
обманчивый звук,
Понятный лишь только
в могиле;
Ни радости прошлой,
ни счастья, ни мук
Прдать мы забвению
не в силе.
Что в душу запало -
останется в ней.
Ни моря нет глуже,
ни бездны темней.*

Прозаик часто заслоняет поэта; этой участи не избежал и великий Бунин. Ни в одной антологии не нашлось места стихам Грина. Я бы таким стихотворением не пренебрег.

Люша с юности сама сочиняла стихи. И псевдоним придумала как будто в духе Грина: Анстей (девическая фамилия Штейнберг досталась ей от отца, обрусевшего немца, железнодорожного служащего; ее мать Ольга Орлова, русская, была

учителем литературы в гимназии Жекулиной). Судьба подруг сложилась по-разному. Ольга Николаевна не сумела уехать из оккупированного гитлеровцами Киева, а вскоре, вместе с мужем, поэтом Иваном Елагиным (Матвеевым), в страхе перед возможными репрессиями НКВД бежала за границу, оказалась в эмиграции; выпустила две книжки стихов: «Дверь в стене», Мюнхен, 1949, «На юру», Питтсбург, США, 1976; служила в ООН; умерла в Нью-Йорке в 1985 году. Белла Казначей работала на Подольском огнеупорно-керамическом заводе, затем в ВНИИ звукозаписи. Муж, военный инженер Зуся Эйдельман, в октябре 1941 года погиб на фронте под Ельней. Издала книгу «Гальванопластика в промышленности»; в 1979 году стала лауреатом Госпремии СССР. 29 лет прожила в глубоком подвале в Гранатном переулке. Продолжала хранить собрание писем и стихов подруги, и когда узнала, что это опасно, так как подруга за железным занавесом (как говорили, за бугром). Ныне, не в силе предать забвению ни счастья, ни мук, Белла Яковлевна рада, что Ольга Анстей, ее Люша, нежная и преданная, публикуется на родине. И что Грин издан - между прочим, в серии «Отечественная классика».

Летом 32-го Люша была под свежим впечатлением от смерти отца. Она вспоминает также писателя Замятина, некоторые рассказы которого критиковала за схематичность любовного треугольника. Итак, письмо о Грине.

«Вот и пишу своему Мулику на черствые именины (Ольги 24 июля, «черствые» - на другой день. - В.П.) Как не доставало мне Тебя вчера, коша. Знаешь, ведь праздник был мне очень отравлен: накануне в 12 ч. вечера я наткнулась на объявление в «Известиях»: умер Грин. Вот и все еще странно писать: умер Грин. Как всегда, срывает непоправимость: никогда уже нельзя написать, увидеть, говорить. Книжки изъезжены срынка, смерть обоидена молчанием, имя торопливо предается забвению.

Господи, иметь при жизни так чудовищно мало ценителей, слыть авантюриком каким-то вроде Кервуда, что ли. Верно, было бы ему приятно знать, сколько он дал горсточке людей. Папа как Грина любил. Мог постоянно его перечитывать.

Я их как-то сейчас вместе мыслю - Грина и Папу. Помню, назад недели три, мы с Кирой (подругой. - В.П.) полуношничали на Святославской накануне выходного дня: «Крысолова» перечитывали и Фета потом читали. Иду я домой поздно, вверх по Нестеровской - она зеленая, пустынная, горбом, и вся шуршит, как сад. Остановилась под фонарем, - под мышкой Грин и том Фета - и ночь июньская - все такое папино любимое. Идышла всем этим, - только во внешнем плане предполагала лишь творчество Грина, а не его самого. А он, верно, был уже смертельно болен: в «Известиях» пишут: «в Крыму, после продолжительной и тяжелой болезни». Туберкулез?.. Умер 8-го, извещают 23-го. Да впрочем, кому до Грина дело. Это ж тебе не Демьян Бедный. Да, так вот умер. Умер самый мне близкий по духу человек Слова в Союзе, в данное время. Было бы легче, пожалуй, если бы Замятин... Впрочем, дай Бог здоровья Евгению Иванычу, хотя и очень меня стали раздражать упрямые повторения троих манекенов.

Тяжело. И так это лето мне ужасно трудно без папы - если бы во сне не видаться, так совсем бы невыносимо было. Но свидания - это большая поддержка.

Посылаю Муле вчера написанные стихи - первый опыт сапфической строфы. Грозный ангел - сердитая княгиня Ольга. Грозный ангел

*мой именинник нынче,
Хоть немилостив,
а меня приветил,
И пришла на праздник
меня проводить
Муза-сестренка.
Я всегда упрямец
смуглой рада,
Но она союзные дуги хмурит.
- Почему грустна? -
говору с укором*

Девочке дикой.

Вздых - и тяжко упадет слово:

- День не весел твой;

не умолишь Мойру:

К воротам Аидеса

сказочник старый

Ныне причалил.

...Твой Люш».

Мойра - читатель знает - древнегреческая богиня судьбы: она прядет и обрывает нить жизни; Аидес - владыка мертвых, царство мертвых. «Крысолов», как и другие повести, написанные Грином после Февраля и Октября, ныне настойчиво требуют переосмысления. Романтизм Грина - скажем прямо - произрос на почве ужасного разочарования в революции. В «Крысолове» мимолетная любовь без прикосновений («Кармен сделала очень немного, она только бросила в ленивого солдата цветком. Не более было совершенно здесь») просыпается на фоне полумертвой петроградской весны 1920 года: герой продает на рынке несколько книг, последнее, что у него есть; печь топят буфетом, чайник кипятят на лампе; пустуют палаты Центрального Банка; на всем печать тлена; жизнь - катастрофа; «веяние неслыханной дерзости танулось из дверей в двери - стихийного, неумолимого сокрушения». Коварные, мрачные существа - крысы, владея силами человеческого ума, выходят на свет: «им благоприятствует мор, голод, война, наводнение и нашествие». Интерпретация смутных образов Грина, так много говоривших сердцу современников, теперь уже дело близкого будущего. Писавшие о нем в советские годы стремились, усыпляя цензуру и полуграмотное начальство, приглушить идеологический бунт, акцентировать второстепенное, объявить чуть ли не соцреализмом. Между тем «Алые паруса» - феерия индивидуального счастья, противопоставленная народу, остолбенело стоящему на берегу. Это подметил в 1938 году укрывшийся под псевдонимом «Ф. Человеков» Андрей Платонов, загнанный в угол и отчасти деморализованный. По его отзыву на книгу Грина, фантазер Ассоль вовсе не следовало уплывать с любимым. Ей надо было стать «средством для счастья других, многих людей», жителей Каперны. Время разрешения спор - в пользу Грина. Оно показало, что рыные радители мифического коллективного счастья, как правило, политические лгуны. Впрочем, это понимал и Платонов: его собственное творчество есть протест против тоталитарного оболванивания людей.

В поэме «Память» Иван Елагин (цитирую по книге «Тяжелые звезды», США, 1986) вспоминал 30-е годы, когда вместе с женой Ольгой Анстей бывал на концертах приезжавшего из Москвы певца Доливо-Соботникова (1893-1965). Там собирались поклонники романтических песен, уводивших в Несбывшееся:

*А в антракте - толкотня, галдеж.
А к буфету и не подойдешь.
По соседству, вижу, - паренек,
А на куртке - лодочка-значок
С ярко-красным парусом.*

Яхт-клуб?

Точно. Сомневаться почему? А на самом деле все не так: Это был почти условный знак Гринковский романтиков! То зов Юношеских алых парусов!

Сегодня Грин открыт для новых изданий, толкований. Для новых признаний в любви.

ВЛАДИМИР ПРИХОДЬКО.